678_2

После летнего Бодензее родная мурманская погода напомнила, где мы живём: все последние десять майских дней до моего отъезда в Бостон температура воздуха стабильно держалась вблизи нуля градусов, каждый день понемногу шёл снег, обычно с утра, к вечеру таял. Из окна поезда, подъезжая к Мурманску, я видел, что на Коле у ближнего к городскому мосту порога суетится народ со спиннингами. Значит, сёмга уже пошла. Но выбраться на рыбалку до отъезда я так и не смог: готовил доклады.

30-го, кажется, числа, вернувшись с работы домой, как обычно, поздно, я узнал от Сашули мрачные новости, которые сообщила ей по телефону Ирина.

Умер Дима Ужгин.

Там в Минусинске, куда он уехал когда-то к «отцу» Виссариону и где жил в последние годы с какой-то женщиной с ребёнком. Подробностей никаких. Якобы сердце. Он был на год старше Ирины всего. Подававший большие надежды и, в самом деле, небесталанный, но с жизнью так и не справившийся. Бедная Надежда Григорьевна! И её жаль, и Диму, и Михалыча….

Вторая новость не такая трагическая, но очень неприятная.

У тёти Тамары крыша поехала на почве подозрений, что мы за её наследством охотимся. Она Ирине по телефону – за Иринин счёт, естественно, такого про нас наговорила (второй раз, впрочем, уже; в первый раз похожее было в прошлом году после нашего летнего у ней пребывания), что иначе как старческим повреждением ума я и назвать это не могу. Такое, действительно, бывает со старыми людьми. Рехнулась, как говорится. Сашуля очень расстроилась. Ей, действительно, должно быть особенно обидно: столько сил и времени было отдано уходу за ней и её хозяйством, и вместо благодарности получить совершенно дикие упрёки и подозрения! Она даже письмо написала тёте Тамаре, которое я, впрочем, не советовал отправлять – не поймёт, только на Ирину ещё осерчает. (*Отправила-таки!*)

1 июня я вылетел в Москву первым утренним рейсом, отправлявшимся в 8.00, для чего встать пришлось в 5.30, а легли мы в 2 часа ночи, поскольку я задержался на работе, набирая отчёт Ирине, а в дорогу собираться только поздно вечером начал.

Оделся я по-летнему, в лёгкой куртке, в Штаты лечу всё-таки. И жутко замёрз в маршрутке, пока ехал в аэропорт Мурмаши, из-за того, что в ней дуло изо все щелей. Даже в самолёте не отогрелся. В Москве лета тоже не оказалось, холодно, но, получив багаж, я достал из чемодана ветровку и натянул её поверх куртки, после чего почувствовал себя комфортнее.

До Бирюковых добирался два с половиной часа из-за пробки на шоссе в Химках, которая меня весьма озадачила: как я завтра из Москвы выбираться буду?

Около дома Бирюковых встретил Гену, направлявшегося получать какие-то долги от Инкомбанка. Вернулись с ним вместе домой (я кода не знал). Отдал сёмгу и подарок от Сашули Майечке. Сели обедать, водочки выпили под отбивные. Я живописал наши приключения. После обеда поехали – Гена в банк, а я в Олимпийский, в фотомагазин, найденный по Интернету. Купил там Pentax Espio 135M, подешевле, чем в Мурманске, как и наметил дома. Сказали, что с фокусом у него без проблем.

Поменял марки на доллары. Вернулся с тремя белыми розами по случаю прошедшего накануне 40-летия свадьбы Бирюковых. Майечка мне встречный жиллетовский набор вручила, я пенку только взял. За ужином допили бутылку, а потом с Геной в шахматы (в кои-то веки!) сыграли две партии, выиграв каждый по одной чёрными. У меня слипались глаза, Майечка говорила, что вид у меня ужасно утомлённый. Да и то сказать, спал всего ничего, а до того спешка, нервотрёпка…

2 июня. Сразу после завтрака отправился в аэропорт. Маршрутка довезла быстро, так что времени у меня было навалом. Пошёл узнавать насчёт гостиницы в Шереметьево на обратную дорогу. Майечка не спрашивала, когда я возвращаюсь (но я, кажется, сам сказал), а я понял, что 10-го они будут на даче. Ехать в Протвино вечером после перелёта из Штатов, чтобы утром тащиться обратно? Или кантоваться ночь в аэропорту? Нет уж. Годы и здоровье не те. Забронировал номер за 1400 р. + 360 р. броня, то есть столько же как в Бостоне за место в общаге на одну ночь. Купил водку в аэропорту («Гжелку» и 0.2 «Исток»), а то ведь совсем забыл про сувениры, и на обед хлеб, сало и бутылку «Клинского», что и употребил тут же.

При регистрации возникли проблемы с моей фамилией: в билете и компьютере она выглядела по-разному, не в первый раз уже, впрочем. Но обошлось, как и раньше. Багаж весь разрешили взять с собой. Летели рейсом «Люфтганзы» на «Боинг-737» три с половиной часа до Франкфурта (на Майне) с хорошей кормёжкой и красным вином. Во Франкфуртском аэропорту провёл час сорок без проблем с пересадкой, хотя спросили, зачем в Штаты лечу.

От Франкфурта до Бостона летели 8 часов 10 минут на A340-300 (“Airbus Industry”) с двумя кормёжками и красным вином. Прилетели в 19.50 местного времени, то есть в Москве было уже 4 часа утра (8 часов разница). Брать такси (40 долларов) я не стал, чтобы финансово скомпенсировать предстоящую на обратном пути ночёвку в гостинице «Шереметьево», а решил добираться всего за

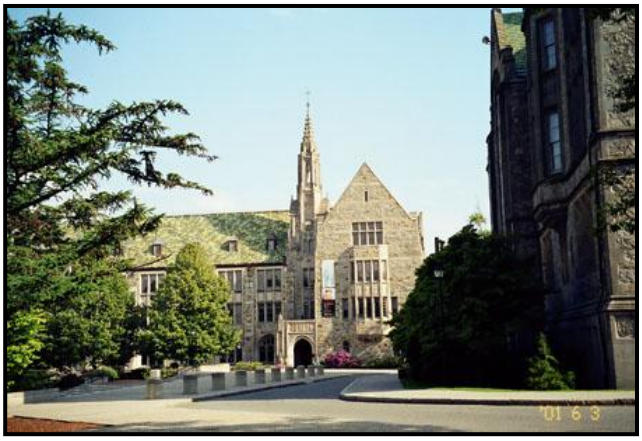
доллар общественным транспортом с пересадками (всю необходимую информацию от организаторов я имел).

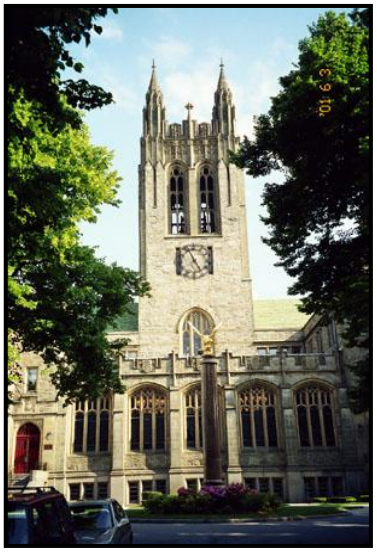
Определился (опросом водителей) с шаттлом до ближайшей линии Т – троллей. Думал, что это троллейбус. Оказалось, - трамвай из одного или двух вагонов, который в центре ходит под землёй как обычное метро, а к окраинам идёт как обычный трамвай. Доехал до «Гавернмент Центра» (это, действительно, самый центр Бостона) и сдуру выскочил наружу. Понял, что ошибся, и попросился бесплатно обратно. Пустили. Пересел на зелёную линию BC (Boston College) и доехал до конца, в сумме за полтора часа от аэропорта.

К этому времени уже стемнело. Быстро нашёл место поселения (BC Wellcome Center), дали ключ от спальни и магнитную карточку от внешней двери. Узнал, что Марина (Козлова, Учёный секретарь ПГИ, второй (или, скорее, первый) член делегации от ПГИ, которая мне билеты доставала, а я за которую деньги в Штаты по своей карточке переводил) живёт надо мной. Поселился один в двухместном общацком номере в блоке на четыре таких спальни и два туалета с душем с общим холлом и кухонькой. В холле подарочные наборчики (перекусить, запить) для гостей. Сходил наверх к Марине, стучал в дверь её блока, но никто не откликнулся. Завалился спать в начале одиннадцатого.

Место поселения и столовая (справа) в Бостон Колледже, 3 июня 2001 г.

3 июня. Встал в шесть утра, густейший туман. Сделал зарядку и побежал вокруг кампуса – территории Колледжа. Час бегал. Комплекс Бостон Колледжа (основанного как ирландский католический университет) напоминает архитектурой университет штата Колорадо в Боулдере: здания розово-бежево-коричнево-серой кладки со множеством башен и шпилей готического стиля, но не на ровном (как в Боулдере), а холмистом месте. Белки, птицы всякие, включая диких гусей. Дома за кампусом – особняки в английском стиле. Это – Ньютон, пригород уже. И вообще – это Новая Англия.





Бостон Колледж и Ньютон, 3-4 июня 2001 г.

Вернувшись с пробежки, я обнаружил, что моим соседом по блоку и партнёром по туалету является Туомо Нюгрен из Оулу, ныне профессор тамошнего университета. Я с ним ещё в Анденесе познакомился, мы на него ссылаемся в своих попытках моделирования данных ионосферной томографии (инициированных, между прочим, в своё время Нюгреном, в Лестере, кажется). Туомо – очень приятный, спокойный, общительный, доброжелательный финн шведского происхождения. Он хорошо знаком с Мариной, и мы пошли будить её к завтраку.

Марина в пижамке выскочила к двери блока, а вернуться в спальню к себе не смогла – захлопнула дверь туда, оставив там ключ (внизу же специальное предупреждение висит: носите ключ всегда с собой, даже когда идёте в туалет). Пришлось мне бегать по этажам в поисках уборщицы или администрации, поднял с постели заспанного молодого парня, и тот вызволил Марину.

Пошли завтракать в едальный корпус прямо напротив нашего спального. Я по инерции (халявной) нахватал фруктов, включая клубнику, для салата и только потом, у кассы сообразил, что это не шведский стол, когда меня попросили заплатить долларов восемь за завтрак. Впоследствии я питался регулярно на 4-5 долларов за раз. Это очень скромно: два яйца, пара небольших сосисок или кусочков жареного бекона, кусок хлеба для тоста и апельсиновый сок. Кормёжка, конечно, была простецкой и не дешёвой (яйца, бекон, сосиски, курятина, гамбургеры, супы, жареный картофель, овощи, фрукты, соки и паршивый кофе). Никакого вина и даже пива в кампусе, да и поблизости. Марина поначалу тоже клубники набрала, потом от цены вздрогнула, но всё же от неё не отказалась и, кажется, питалась только двумя-тремя ягодками, хотя и мечтала о картошке с котлетой.

После завтрака ходили втроём (и в дальнейшем тоже так кучковались повсюду) по кампусу, обозревали окрестности, но я не фотографировал из-за пасмурной погоды. Зарегистрировались. Вечером так называемый «приветственный барбекю» – за напитки платишь, кормёжка дармовая. Тамара Гуляева из ИЗМИРАНа только из знакомых (русских) и Норберт Яковски – из иностранцев.

4 июня. Утром бегал там же. Погода улучшилась. Отсидел пленарное заседание. В перерыве представился Эду Фремоу, пригласившему нас. После ланча отправился готовиться к своим докладам, измазюкал прозрачки жёлтым маркером. Собственно, занимался я больше не своим, а Худуконовским докладом по совместной – ионосферной и оптической - томографии, который Борис попросил меня представить. Вечером первый выезд за пределы кампуса на трамвае – коктейль в Castle (особняк под старину для приёмов), на территории Boston University (соперник Boston College, расположен на той же трамвайной линии, но гораздо ближе к центру, занимает несколько кварталов).

Ездили вдвоём с Туомо, Марина осталась готовиться к завтрашним докладам. Искал Анке Шлезиер из Копенгагена, с которой начали сотрудничать с подачи Матиаса, но не нашёл. Джон Фостер из Миллстоун Хилла (мы с мамой несколько лет назад демонстрировали ему модель в ПГИ) почему-то оправдывался передо мной, что не пригласил поработать, деньги, мол, как раз кончились, хотя Мишин Женя у него сидит сейчас. Гуляева представила меня Лену Керсли из Уэльса, одного из ведущих британских ионосферщиков. Поразили здоровенные креветки, которыми угощали среди прочего. Пил красное бургундское. Всё бесплатно в этот раз было.

5 июня. Полностью рабочий день. Наши доклады в первой половине дня. Марина зачитывала быстро, я медленно. Вопросы ко мне были про красную линию (по докладу Худукона) – почему не представили результаты, про модель – учитывает ли касп. В кофе-брейке пообщался с ещё одним русским – Минько из Иркутска, который, временно обретаясь в Штатах, представлял по просьбе Афраймовича его результаты.

Марина Козлова на заседании, Бостон Колледж, 5 июня 2001 г.

Во время ланча, который был выдан в коробках сухим пайком, проходила постерная сессия. Увидел красивый постер Анке и себя в нём в качестве соавтора. Нашёл и саму Анке, познакомились очно, пообсуждали проблему переполнения среднеширотных плазменных трубок. У этого постера пообщались с Джеки Шёндорф, с которой познакомились на Корсике, обенялись с ней оттисками. Она занимается теперь МГД-моделированием течений плазмы в магнитосфере, что весьма близко к проблематике моих аспиранток Веры и Лены.

Вечером втроём гуляли в окрестностях Ньютона (кладбище, Семинария изящных искусств в холмистом парке со спортплощадками и большим стадионом за ним). Туомо и Марина неутомимо вели светские беседы о том, о сём, я помалкивал, восхищаясь Мариной, старательно практиковавшейся в английском, и без того весьма приличном. Вообще Марина не могла не поражать хотя бы тем, что, отсидев с мужем несколько лет на маяке на полуострове Рыбачьем, откуда до Мурманска-то непросто добраться, и поступив после этого работать в ПГИ по фактически новой для себя специальности (до маяка она работала немного в ИЗМИРАНе у Жданова), она сумела года за три-четыре сделать

диссертацию и весьма эффектно представляла свои результаты и себя самоё. И как Учёного секретаря её не сравнить с предшественником – Куликовым. И деловая, и доброжелательная, и выглядит хорошо.

6 июня. С утра отсидели на заседании до кофе-брейка, а после него изумительная прогулка по летнему Бостону от Гавернмент Центра через рынки (где Марина всякие сувениры с маяками изучала и что-то себе выбрала) к набережной, оттуда в обход центральной груды небоскрёбов с заходом в парк, где посидели у пруда, а до того кофе попили в зелёном скверике, окружённом небоскрёбами. Закончил первую плёнку, купил и зарядил вторую.

Марина и Туомо на улицаз Бостона и на банкете, 6 июня 2001 г.

Вечером банкет с ирландской музыкой (арфа и скрипка). Туомо попросил скрипку (он в детстве в оркестре играл) и вполне профессионально подыграл арфе, что я и запечатлел на фото. Этим банкетом формально закончился Симпозиум по спутникам-маякам, на следующий день начинался Воркшоп по космической погоде. Анке Шлезиер дала мне телефон Жени Мишина и предложила поехать с ней с утра в пятницу (т.е. 8-го июня) в Миллстоун Хилл, где Женя сейчас обретается, а она там диссертацию делала у рано умершего Майкла Буонзанто, которого я знал. Я изъявил свою готовность туда съездить при условии, что смогу выбраться оттуда к самолёту.

7 июня. С утра с Мариной ваучеры заполняли на оплату наших расходов. Марина в этот день уезжала. А я после завтрака повесил наш с Романом постер и отправился на заседание. В кофе-брейке оттиски наших статей Лену Керсли вручил. Постерная сессия была опять во время ланча, выданного в коробках. Какой-то китаец пожилой нашим докладом заинтересовался, стал ссылки переписывать, я ему оттиски презентовал, а потом с Яном Сойкой общался, который, похоже, отдрейфовал уже от моделирования в сторону практических (прогностических) приложений. В это время кто-то мой сборник абстрактов уволок вместе с оттиском статьи Джекки Шёндорф, так и не нашёл их потом.

Анке напомнила мне о своём предложении поехать в Миллстоун Хилл и отвела меня к телефону, чтобы я Мишину позвонил, и я с ним договорился, что приеду завтра с ночёвкой, а он меня потом в Бостон на машине отвезёт.

Вечером гуляли с Туомо по Ньютону, а потом в холле он показывал мне фото на своём компьютере, который не ленится таскать с собой (как, впрочем, и многие участники для демонстрации своих результатов).

8 июня. С 8.15 до 10 утра – последняя отсидка на заседании, а потом с Анке на трамвае за час добрались до конечной станции параллельной линии (на том берегу реки Чарльз-ривер), где нас встретил очень похожий на Ситнова парень в ковбойской шляпе – техник из Миллстоун Хилла, который и отвёз нас туда на машине минут за сорок.

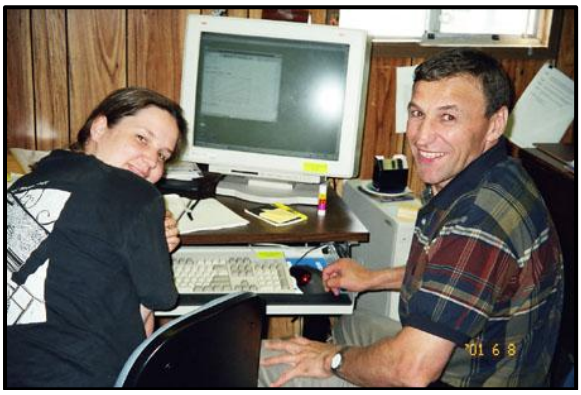
Миллстоун Хилл – это целый комплекс обсерваторий Массачусетского Технологического Института и Северо-Восточной Радио-Обсерваторской Корпорации, в числе которых и знаменитая установка некогерентного рассеяния радиоволн, одна из первых в мире, с данных которой я начинал своё знакомство с ионосферой как объектом математического моделирования. Наша книжка с Брюнелли во многом опирается на эти данные, с ними мы часто сверяли свои модельные расчёты. Короче, знаковое место для ионосферного модельера, да и для любого ионосферщика вообще.

Женя Мишин и я у радара некогерентного рассеяния в Миллстоун Хилле, 8 июня 2001 г.

С Женей Мишиным – сыном известного иркутского геофизика Вилена Моисеевича Мишина, работавшим в ИЗМИРАНе (к началу девяностых доктор наук, завлаб) я был знаком давно и достаточно хорошо, но не настолько близко, чтобы считать его своим приятелем. Последние годы он обретался за границей, сначала в Германии, теперь здесь, и мы давно уже не встречались. Тем приятнее было почувствовать его искреннюю радость нашей встрече.

Мы обошли практически всю территорию огромного радарного и астрономического комплекса, побродили, болтая, по лесным чащобам, среди которых он расположен. Перекусили тем, что у Жени с собой на работу было взято (лосось с гречневой кашей), а потом поехали куда-то в какое-то местное (но довольно далеко расположенное) заведение на ланч просто поддержать компанию трём дамам – Анке, незнакомой мне американке таиландского происхождения (на её машине) и Ларисе Гончаренко из

Харькова, теперь тоже американке, вышедшей замуж за местного программиста и собирающейся ему родить уже второго ребёнка (притом, что третий (первый) в Харькове остался).



Анке и Женя, 8 июня 2001 г.

Анке, коллега, Лариса, Женя и я, 8 июня 2001 г.

Дамы заказали один мексиканский салат и две порции жаркого. Всё оказалось таких размеров, что даже с нашей мужской помощью осилить принесённое не удалось. У стойки стояли мужики, про которых Женя сказал:

- Вот счастливые ребята! Зарабатывают свои 7-8 баксов в час, тут их тратят, и больше у них ни о чём голова не болит.

Сам он зарабатывает около 50000 долларов в год, из них по тысяче в месяц платит за квартиру, и считает свой доход очень скромным. У него через год грант кончается, надо новый добывать, а это всё не просто. Жена Люба не работает, дочь на первом курсе университета учится, не самого престижного, подрабатывает, сейчас в Европе на каникулах.

С подачи Жени мы с Ларисой затеяли обсуждение её данных по ветрам в Е-области, полученных во время недавней необычайно сильной магнитной бури, и продолжили его по возвращении на работу. Лариса польстила мне заверением, что наша с Б.Е. книжка у неё настольная. Данные мне показались очень интересными, кое-какие картинки Лариса распечатала для меня, и я взял их с собой. Для моей аспирантки Люды Чернюк и для Романа они могут оказаться весьма полезными, да и самого меня картинки заинтриговали. Может, смоделируем.

Тем временем рабочий день закончился, и мы с Женей отправились к нему домой, миль за двадцать, это уже другой штат, тут налоги поменьше. Просторная трёхкомнатная квартира. Жена Люба ужин приготовила, посидели душевно, за едой бутылку красного вина выпили, потом коньячок грузинский попивали. Люба когда-то работала в ИЗМИРАНе у Жданова и, кстати, Марину Козлову хорошо помнит. Пробовала здесь работать в магазине – не понравилось, тяжело. Изучает английский с волонтёром – добровольцем, и сама волонтёрит в госпитале со стариками, это такая форма полезного времяпровождения для безработных в Америке.

В доме, как положено, Интернет подключён. Я, естественно, свою страницу показал, об отце Иануарии рассказал, о нашей с ним былой переписке. Тема Любу возбудила, и мы допоздна дискутировали о смысле отречения от мирской жизни и тому подобных вещах.

Анке и Женя. Женя и Люба. 8-9 июня 2001 г.

Утром, **9 июня**, после завтрака Женя отвёз меня в центр Бостона, и мы с ним распрощались. Я совершил последнюю пробежку с фотокамерой в районе гавани и раскинувшегося там субботнего рынка (рыбного и овоще-фруктового) и вернулся в кампус, чтобы сдать ключи к часу дня, как предупредил меня об этом Туомо. Он, однако, ошибся, и ключи можно было не сдавать до самого отъезда, а наши самолёты вылетали почти одновременно – в 21.30 и 21.40. Мы сходили с ним пообедать, и Туомо отправился вздремнуть, поскольку в самолёте он спать не может, а я поехал на трамвае в район русских магазинчиков, мимо которых несколько раз уже проезжал.

Последняя пробежка по Бостону и Ньютону, 9 июня 2001 г.

Накануне, когда мы ехали вместе с Анке, там в вагон погрузилась сногсшибательная парочка тёток с букетом цветов и сходу начала на весь трамвай орать между собой на прямо-таки каррикатурном одесско-еврейском жаргоне с матерками, костеря тех, кому букет куплен и у кого он куплен, и заодно

водителя трамвая, у которого эта колымага грёбаная еле тащится. Меня смех разбирал, я сидел прямо перед ними, но не признался, что я - их бывший соотечественник, уж больно вульгарные бабы были.

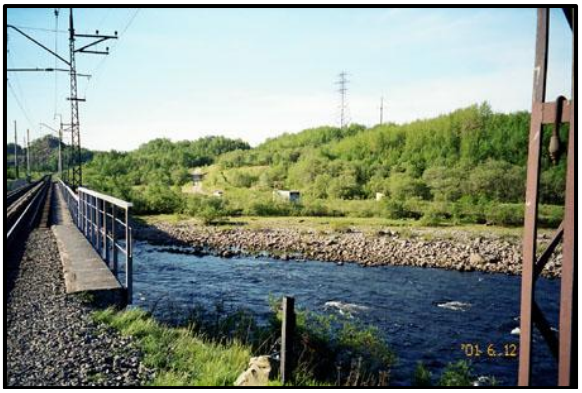
В русских магазинах обнаружились русские продавцы и русские покупатели, и русские товары (любая еда, водка, пиво, большой выбор книг, аудио и видеокассет), но цены американские. Побродив там, я вернулся в кампус, собрался, и мы с Туомо с большим запасом времени отправились на такси в аэропорт. Зарегистрировались, а потом опять фотографии на компьютере разглядывали, их там прорва у него.

10 июня. Обратно летел опять же через Франкфурт на Майне и в Москву прилетел уже к вечеру 10-го числа (с учётом сдвига по времени). Поселился в забронированном номере, вполне комфортном, купил батон, банку шпротов и пиво, и отдыхал перед телевизором.

11 июня. С утра сгонял к метро «Речной вокзал» в надежде присмотреть там на промтоварном рынке чего-нибудь для мамы к завтрашнему дню нашей свадьбы (в Америке ничего интересного не попалось, да и цены там дикие). Рынок только разворачивался, но я всё же купил Ивановский комплект спального белья и коробку конфет и вернулся в Шереметьево.

В пятом часу вечера я был уже дома. Мама меня, оказывается, потеряла: звонила Бирюковым, в Протвино – нигде не появлялся. Цена гостиничного номера её, конечно, шокировала. А я ещё рассказал, как кофе чашечку выпил в Шереметьево за 50 рублей – совсем как в Америке, полтора доллара.

За время моего отсутствия – первые десять дней июня – в Мурманске всё позеленело (а не было ни листочка) и приняло вполне летний вид. Я, конечно, первым делом нацелился на Колу смотаться, что и сделал с утра на следующий день, **12 июня.** Купил лицензию в вагончике у железнодорожного моста и добросовестно отмахал спиннингом с полдевятого до полтретьего на нижнем участке Колы. Поклёвок не было ни у меня, ни у других рыбаков (там их с пяток ещё бродило), и один местный заявил, что, мол, поздно - прошла сёмга уже наверх. Я, однако, своими глазами двух крупных рыбин видел, высоко выпрыгнувших из воды прямо напротив меня, но ближе к тому берегу.



Лицензионный пункт на нижнем участке Колы, 12 июня 2001 г.

Ну, а вечером мы отметили с мамой 37-ю годовщину совместной жизни в компании Грады, Власкова и Боголюбова. Мама мне рубашку голубую подарила.

И вот пошли опять трудовые будни. Сегодня, **20 июня**, у меня консультация, а завтра экзамен у одной группы программистов-первокурсников. Вчера последнее в этом учебном году заседание кафедры провёл. Погода после моего возвращения испортилась, похолодало, но вот третий день уже опять солнечно, хотя и не жарко. На рыбалку больше не ездил; может, завтра после экзамена сподоблюсь. Слава Горелов мне мозги компостирует, что сейчас сёмгу на креветку якобы нужно ловить. Не верю.

Развалился японский радиоприёмник, по которому я Би-Би-Си для языка слушал, а у современных магнитол КВ-диапазона нет или крайне редко бывает. Ищу. А мама стиральную машину выбирает. Автомобиль наш функционирует. Фотографии бостонские сделал, все получились хорошо, камера себя оправдала. До конца месяца осталось доклады для публикации подготовить в Трудах прошедших мероприятий. Да и полноценные статьи надо написать. А там для РФФИ очередной проект стряпать. Данные Ларисы Гончаренко обсчитать. Что-то и не видать просветов-то. Вот она жизнь какая.

Мама тоже об отчёте осеннем думает, страдает уже морально.

На этом заканчиваю свой длинный отчёт. Оцените труд!

Надеюсь, Ирина сообщила и Лене, что кепки получены и подошли. Ждём письма от Михаила, которое он якобы пишет уже.

Крепко всех целуем.

Папа, мама.

Письмо Мити от 19 июня 2001 г.

Привет!

У нас продолжают идти дожди – самая подходящая погода для работы. Лена с мамой на выходные были в Ветцларе, откуда в субботу ездили с Гертом и ещё двумя студентками из Тамбова, находящимися сейчас в Ветцларе, на прогулку на речном корабле по Рейну около Кобленца. Путешествие было замечательным (в тех местах Рейн особенно живописен, с крутыми берегами, засаженными виноградом), кроме прогулки по Рейну Лена с мамой были в очень интересном музее музыкальных автоматов.

Я же выходные провел в лаборатории. Работы очень много, помимо выделения кальцинейрина надо делать различные анализы активности и пр. Надеюсь, что студент мой со временем сможет реально мне помогать.

Это пока основные новости. Крепко целуем.

Привет от Лидии Анатольевны.

Митя, Лена.

Письмо Ирины от 23 июня 2001 г.

Привет!

Получили письма: мамино для тёти Тамары и папино. Конечно, от тёти Тамары мне наверняка достанется, ну да ладно. Я с ней поддерживать отношения больше не смогу, а думать она по-прежнему будет всякую чушь. Думаю, мамины объяснения ей не понять.

Почти та же ситуация вырисовывается у Карповых. На Ваню возлагают, конечно, и решение многих проблем в связи с папиной болезнью, и одновременно поносят всякими словами: и чтоб заткнулся, и убрался и т.д. При этом Коля, который живёт с ними, никак не привлекается ни к уходу, ни к домашним делам. Папа совсем слаб, истощён (практически – скелет, обтянутый кожей, ему даже внутримышечные делать некуда), иногда бредит. Болей у него нет, но частые ложные позывы на дефекацию, Людмила и З.И. его буквально на себе носят на горшок, уже 2 ночи он не спит, и снотворные на него не действуют.

Аня с Машей сейчас у нас. На дом приходят из нашей больницы делать массаж и электрофорез. Тики явно уменьшились.

Почти все в разной степени переносят вирусную инфекцию. Мне пришлось взять больничный, кашель просто душит. Вчера, по-видимому, пошла вторая волна. 21-го был единственный летний день. А теперь два дня подряд льёт дождь. Цветы на балконе из-за холода никак не зацветут.

На днях пришёл счёт за междугородние переговоры, так что буду теперь больше писать. Мама, сообщи е-адрес ПГИ. Хотя, он, наверное, есть на твоём сообщении. Ваня сегодня ночует на Пугачёва, а я пытаюсь справиться с почтой сама. Миша, действительно, пишет свой отчёт о поездке, но говорит, что ещё нужно отредактировать. Бабуле вариант он послал.

Митя и Лена! Несколько задерживаемся с ответами из-за известных событий. Посылку получили, большое спасибо! Я, как мне кажется, сообщала: Алёша носит все бейсболки подряд с большим удовольствием, а Миша что-то вообще на голову сейчас ничего не одевает. Вчера они с Андреем Лопатиным и двумя девочками из Андреевого класса ходили в кино на ”Пёрл-Харбор”. Им очень фильм понравился, довольно натурально всё и без обычной американщины. В зале кто-то даже плакал.

Пока до свидания. Целую, Ирина.

Письмо Мити от 25 июня 2001 г.

Привет!

Большое спасибо за обстоятельное письмо с описанием поездок. Мы в эти выходные воспользовались хорошей погодой и в воскресенье отправились в Брегенц. Ехали на поездах с билетом выходного дня за сорок марок на троих. В Брегенце были уже в начале одиннадцатого. Хотели сначала сходить на сцену на озере, но она была закрыта – репетировали «Богему». И мы отправились к канатной дороге на Пфендер. Заплатили за путь туда и обратно, не рискнув спускаться по непростой горной тропе. Мы с Леной уже были на Пфендере, а для Лениной мамы всё было в новинку. Как и в прошлый раз погода была замечательной, но дымка скрывала немного очертания гор. На Пфендере мы перекусили взятой с собой едой, погуляли по маленькому зоопарку (но птичьего шоу не стали ждать), а потом спустились обратно в Брегенц.

Там мы прошлись по старому городу с неоготической церковью и старой Марианской башней, попутно присматривая ресторанчик, где можно было бы съесть венский шницель. Сходили к вокзалу посмотреть, когда мы сможем уехать из Брегенца, и выяснили, что с едой надо поторапливаться. Вернулись к примеченному нами ресторанчику, а он оказался закрыт (работал только до двух, а мы этого не заметили). Рядом, однако, нашли другой ресторанчик, где мы всё же поели шницель из телятины с вареной картошкой (а я заказывал рожки с сыром по местному рецепту, оказавшиеся менее примечательными, чем я ожидал). Ещё успели вернуться к сцене на озере, которая слегка изменилась с момента нашего визита. Обратно вернулись часам к пол-седьмого, я ещё съездил в лабораторию.

В субботу же брали у Гали (соседки сверху) велосипед и ездили вечером втроем в Алленсбах, где посидели с Радлером (пиво с лимонадом) на местном пляже, а потом гуляли по набережной (сейчас у нас половодье, озеро затопило часть береговой кромки). На обратном пути в Хегне собирали клубнику на брошенном поле. Народ там крутится целый день, и хорошую ягоду найти сложно, но мы набрали почти ведро полукондиционной, которую Лидия Анатольевна протёрла с сахаром.

В эту пятницу Лидия Анатольевна уже уезжает, возможно, поеду её провожать в Штуттгарт.

У меня работа со студентом по-прежнему в очень интенсивном темпе, выделение белка надо совмещать с экспериментами с радиоактивным субстратом. На работе с раннего утра до позднего вечера, хорошо хоть какие-то результаты есть.

Вот такие у нас основные новости.

Крепко целуем. Привет от Лидии Анатольевны.

Митя, Лена.

Моё письмо детям от 29 июня 2001 г.

Здравствуйте, дорогие дети, внуки!

Ванечке – наше глубокое соболезнование в связи со смертью его папы. Вечная ему память! На Пугачёва послали телеграмму сегодня.

А жизнь продолжается.

Мы с мамой только что отправили тексты наших докладов в Бостоне для трудов прошедших сборищ, за день до последнего срока. Сегодня же я принимал экзамен по физике у второй группы программистов первого курса. Хреново сдавали. Из их творчества: криволинейная прямая!

Но главные события этой недели – мои позорные выезды на Колу в Шонгуй за сёмгой. Четыре раза лицензии покупал, новый спиннинг и катушку безинерционную приобрёл, несколько мух дорогих потерял, а результат – ноль. Только и радости, что вспомнить, как одна чуть спиннинг из рук не вырвала – оторвала поводок с мухой, да ещё один сход был – тоже с отрывом мухи.

А сколько рыбы сейчас в Шонгуе! Я такого ещё не видал. Прыгают и там, и сям (но в определённых местах, в основном, на струе), и небольшие, и здоровенные, сплошной дельфинарий какой-то. Народищу тоже много, временами метров десять всего между метающими, особенно после полуночи. Но ловят немногие, даже из местных. В среднем за шесть часов вытаскивают штуки три на всех (то есть человек на 10-15 с обоих берегов), да штуки две-три сходят. Итого при мне за эти дни штук двенадцать сёмг поймали от от 2-х до 7 кг, да столько же примерно сошло. И самыми удачливыми оказались мои напарники – Саша Федотов (преподаватель нашей кафедры) и Таня Карельская (бывший наш преподаватель), которые в позапрошлом году впервые вообще рыбацкие снасти в руки взяли. Таня поймала 2 сёмги и Саша 4 (одну на 5 кг) за 6 выездов. А с ними ещё Танин брат двоюродный начал приобщаться к этому делу и на третьем выезде поймал одну небольшую (на 2 с лишним кг).

Они меня утешают: - Ничего, поймаете ещё, Александр Андреевич. Мы вот в прошлом году десять раз выезжали, и на Уру, и на Западную Лицу, а всего одну горбушу поймали.

И угощают меня бутербродами с сёмгой.

Таня Карельская с выловленной ею сёмгой на Кривом, 22 июня 2001 г.

А Никонов, мой зам по кафедре, мне анекдот рассказал на эту тему.

«Генерал и прапорщик поехали на рыбалку. Прапорщик ловит рыбу, а у генерала ничего нет. Прапорщик к нему подходит и спрашивает:

- Что, не клюёт, товарищ генерал?

- Нет, - отвечает генерал.

- И ведь не прикажешь! – сочувствует прапорщик.»

Но даже просто наблюдать за вываживанием сёмги – это зрелище!

Так что буду продолжать попытки.

Магнитолу «Сони» купили с КВ-диапазоном, хорошо можно слушать и Би-Би-Си, и Штаты, и Испанию. Первая магнитола у нас, кстати, если плейер не считать.

Вот и все пока новости. Всех целуем. Сердечный привет семейству Лебле.

Папа, мама.

Большое спасибо Михаилу за письмо! Только что получили. Молодец, Мишенька! Рады твоим впечатлениям. Начало знакомства с внешним миром положено, желаем ещё более интересных путешествий.

Письмо Миши от 29 июня 2001 г.

Здравствуйте, дорогие бабуля и дедуля!

Наконец-то я дописал своё письмо!

Недавно вместе с классом съездил в Германию, в маленький городок Хунген рядом с франко-немецкой границей. Мне там очень понравилось. Первый и два последних дня пребывания в Германии я провёл с немецкой семьёй, в доме которой и спал. Остальное время я был в палаточном лагере у местной школы, но из-за проливного дождя нас переселили в гимнастический зал вместе с португальцами. Кроме нас были ещё ученики из Англии, Чехии и Румынии. Мы все подружились и обменялись адресами. Особенно общительными были португальцы, мы быстро нашли общий язык друг с другом.

Я очень удивился, когда узнал, что в Хунгене очень много русских иммигрантов. Все они общались только с нами, и мы отлично провели время вместе.

Мы приехали со своей концертной программой, танцевали и пели “Калинку”, “Подмосковные вечера”, “Мы желаем счастья вам”, “Коробейники” и “Подай балалайку”. Всем очень понравилось, кроме того мы готовили блины, пельмени и щи. Все остальные делигации тоже готовили, но мне заморская пища не понравилась. Ещё мы участвовали в спортивных соревнованиях и заняли первое место по футболу. С погодой нам не повезло, так как всё время лил дождь, но в один из редких солнечных дней мы съездили во Франкфурт-на-Майне. Мы гуляли по этому городу, фотографировались, ходили по магазинам за подарками. Питались хорошо, но однообразно: булки с сосисками, салаты и лимонад.

Когда мы приехали в Германию, нам дали бесплатные пропуска в открытый бассейн. При первой же возможности мы туда ходили. Там мы плавали, прыгали с вышек и загорали. В последний день вода в бассейне была 17^0С, но это нас не остановило, а немцы с широко открытыми глазами удивленно наблюдали за нами!

В целом мне в Германии очень понравилось: чисто, аккуратно, тихо, люди приветливые, всё необходимое есть, но недели через 2 – 3 мне бы там надоело, так как делать там нечего, да к тому же всё очень дорого.

А сейчас я на каникулах, но времени свободного немного: я вместе со своим товарищем из школы отрабатываю практику. Кроме того к нам приехали Лебле, потому что у них серьёзно болеет Маша, а мама им помогает. Поэтому гуляю я только по вечерам, хотя мама хочет, чтобы я приходил рано.

А наша “Балтика” всем проигрывала, но за две последние игры дома смогла “отобрать” несколько очков у лидеров: с “Шинником” сыграли вничью 1:1, а у “Нефтехимика” выиграли – 2:1! Наверное, это из-за нового тренера, но я не сильно верю в будущее команды.

Зато сейчас в Калининграде очень жарко: облаков и ветра почти нет. Поэтому мы собираемся скоро ездить на море и озёра. А 23 июля мы все поедем в Крым отдыхать.

Надеюсь у вас хорошо, и вы здоровы и не болеете.

Пока!

Михаил.